

УДК 347.7

Жидков Д.И.

Студент

*ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ»
Среднерусский институт управления-филиал
Россия, Орёл*

**ЗАКОН В РОЛИ ЦИФРОВОГО НАРРАТИВА: КАК
ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ДЛЯ ГЕНЕРАЦИИ ТЕКСТОВ
ПЕРЕОПРЕДЕЛЯЕТ БОРЬБУ ЗА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ВЛАСТЬ**

Аннотация: Статья исследует трансформацию законодательного процесса под влиянием языковых моделей искусственного интеллекта (LLM). Авторы анализируют, как технологии генерации текстов, такие как GPT, Claude и их аналоги, превращают создание законопроектов, политических программ и медиаконтента в автоматизированное производство нарративов.

Ключевые слова: искусственный интеллект в праве, языковые модели, генерация правовых текстов, цифровая гегемония, алгоритмическое законодательство, политические нарративы, правовая семантика.

Zhidkov D.I.

Student

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration
Central Russian Institute of Management-Branch
Russia, Oryol*

**THE LAW AS A DIGITAL NARRATIVE: HOW ARTIFICIAL
INTELLIGENCE FOR TEXT GENERATION REDEFINES THE
STRUGGLE FOR POLITICAL POWER**

Abstract: The article explores the transformation of the legislative process under the influence of artificial intelligence language models (LLM). The authors analyze how text generation technologies such as GPT, Claude, and their counterparts are transforming the creation of bills, political programs, and media content into an automated production of narratives.

Keywords: artificial intelligence in law, language models, legal text generation, digital hegemony, algorithmic legislation, political narratives, legal semantics.

Фундаментальный принцип современной юриспруденции, согласно которому закон есть выражение воли суверена, народа или их представительных органов, сталкивается с тихой, но радикальной революцией. Её движущей силой стали языковые модели искусственного интеллекта – системы, способные не просто обрабатывать тексты, но и генерировать новые, внешне безупречные правовые и политические нарративы. Мы наблюдаем не эволюцию инструментария, а качественный сдвиг в самой природе политической коммуникации и нормотворчества: право постепенно переходит из сферы человеческого целеполагания в область конкуренции алгоритмически сконструированных смысловых полей. Эта трансформация ставит под сомнение традиционные представления о суверенитете, публичной сфере и механизмах формирования политической воли, смещая реальную борьбу за власть в плоскость контроля над архитектурой, данными и доступом к семантическим генераторам.

Изначально воспринимаемые как вспомогательные инструменты для анализа больших массивов документов или проверки стиля, LLM стремительно превратились в автономных производителей содержания. Их способность создавать связные, структурированные и формально корректные тексты – от кратких поправок до объёмных концепций законопроектов и политических манифестов – переопределяет понятие авторства и инициативы. В отличие от человека, нейросеть не

руководствуется идеологией или ценностями в привычном понимании, но её выводы неизбежно становятся отражением скрытых паттернов, зашитых в обучающих данных. Таким образом, каждая значимая модель – будь то GPT, Claude или Яндекс GPT – по сути, инкапсулирует в себе целое правовое и идеологическое наследие, на котором она была взращена. Пользователь, запрашивающий у ИИ разработку стратегии регулирования цифровых платформ, получает не нейтральный анализ, а текст, в котором незримо присутствуют приоритеты и подходы, доминировавшие в источниках обучения – будь то директивах ЕС, прецедентах американских судов или статьях конкретной научной школы.

Это порождает феномен «алгоритмических правовых семейств», параллельных цифровых юрисдикций, которые существуют не на карте, а в семантическом пространстве. Государство продолжает производить официальные тексты законов, но в той же информационной среде одновременно циркулируют альтернативные, не менее убедительные версии, созданные разными ИИ-системами по запросам лоббистов, активистов, оппозиционных групп или даже других государственных структур. Конкуренция между ними происходит уже не только на уровне содержательных аргументов, но и на уровне нарративной убедительности, адаптивности к целевой аудитории и способности вирусного распространения. Фактически, публичная политическая сфера раскалывается на множество изолированных семантических вселенных, каждая из которых предлагает свою внутренне непротиворечивую, подкреплённую «логикой» и «данными» картину должного правового порядка. Гражданин, ищущий информацию, оказывается в положении, схожем с выбором между разными операционными системами: каждая предлагает свой интерфейс взаимодействия с реальностью, но выбор одной из них предопределяет, какие «приложения» – трактовки, факты, аргументы – окажутся для него доступными и авторитетными.

В этом контексте происходит фундаментальная дематериализация политической борьбы. Если раньше ключевыми ресурсами были доступ к СМИ, парламентской трибуне, экспертной сети и финансовым средствам, то теперь критическим активом становится контроль над «семантическим суверенитетом» – способностью определять, какие формулировки, концепции и даже эмоциональные окраски будут производиться доминирующими в данном сегменте информационного поля языковыми моделями. Группа, обладающая технологическим преимуществом в настройке и применении ИИ, получает возможность «генерировать легитимность», производя массивы согласованных текстов – аналитических записок, экспертных заключений, публицистики, пользовательских отзывов, – которые формируют у аудитории иллюзию широкого консенсуса или, наоборот, острой критики. Парламентские дебаты и общественные слушания рискуют превратиться в ритуализованные театральные постановки, тогда как реальное содержание будущих решений будет предопределено результатом невидимой битвы алгоритмов, происходящей в исследовательских отделах, аналитических центрах и цифровых агентствах.

Возникает парадокс: чем совершеннее и убедительнее становится текст, сгенерированный ИИ, тем труднее установить его происхождение, а значит, и ответственность за заложенные в нём политико-правовые установки. Прозрачность и подотчётность, базовые принципы демократического правотворчества, размываются в условиях, когда автором документа де-факто является сложная статистическая модель, а де-юре – никому не известный оператор, введший промпт. Это создаёт благоприятную среду для новых форм манипуляции и «правового спама», когда информационное пространство целенаправленно заполняется противоречащими друг другу, но одинаково гладкими юридическими конструктами, что ведёт к когнитивной перегрузке и цинизму аудитории.

В конечном счёте, под угрозой оказывается сама способность общества к рациональному обсуждению и выработке коллективных решений, поскольку почва для диалога – общий язык и разделяемые факты – замещается динамичным, изменчивым полем алгоритмических симулякров.

Ответ на этот вызов не может заключаться в простом запрете технологий или возврате к док дигитальной эпохе. Напротив, необходима разработка новой правовой и политической парадигмы, признающей ИИ самостоятельным – хотя и нечеловеческим – автором в процессе формирования норм. Требуется переход от регулирования технологии как инструмента к регулированию последствий создаваемого ею нарративного потока.

Первым шагом должна стать институционализация цифрового авторства. Любой значимый правовой или политический документ, публикуемый от имени государственного органа, политической партии или общественной организации, должен сопровождаться метаданными о степени и характере использования ИИ в его подготовке. Это не просто техническое требование, а современный аналог принципа гласности: общественность имеет право знать, является ли текст продуктом коллективного человеческого разума или результатом оптимизации статистической модели. Подобная маркировка, аналогичная «nutrition facts» на продуктах питания, создаст основу для осознанного восприятия контента и позволит выработать дифференцированные критерии доверия.

Второй, более сложный аспект – установление юридической ответственности за алгоритмически сгенерированный правовой нарратив. Принцип «ответственность следует за контролем» должен быть адаптирован к новой реальности. Если промпт, заданный оператором, или архитектура модели, выбранная разработчиком, предопределяют возникновение текста, содержащего призывы к насилию,

дискриминационные положения или заведомо ложные правовые конструкции, то бремя ответственности должно ложиться не на абстрактный алгоритм, а на физических и юридических лиц, принявших решение о его использовании и распространении результата. Это потребует развития новых отраслей юридической экспертизы – «семантического аудита», способного выявлять причинно-следственные связи между настройками модели и содержанием её выводов.

Наконец, на геополитическом уровне назревает необходимость формирования международных режимов в области «семантической безопасности». Подобно тому как регулируются вопросы кибербезопасности или нераспространения, требуется выработка соглашений, ограничивающих использование ИИ для целей информационно-правового вмешательства во внутренние дела суверенных государств. Массовая генерация альтернативных законопроектов, судебных решений или провокационных политических программ, нацеленная на дестабилизацию правопорядка в другой стране, должна быть признана новой формой агрессии в цифровой среде. Ключевой задачей становится защита цифрового суверенитета публичной сферы – способности национального правового дискурса развиваться без непрозрачного внешнего давления.

В перспективе возможно возникновение принципиально новых демократических институтов, таких как публичные семантические фонды — эталонные, общедоступные и прозрачно управляемые языковые модели, обученные на верифицированных правовых и научных корпусах. Их роль могла бы заключаться в предоставлении беспристрастного, свободного от корпоративных или узко идеологических предубеждений семантического базиса для общественных обсуждений и законодательных инициатив. Это вернуло бы в публичное пространство элемент общего

языка и разделяемых смысловых координат, сделанных не объектом контроля, а общественным достоянием.

Таким образом, вызов, брошенный языковым ИИ, заключается не в том, что машины научились писать тексты, а в том, что они научились писать убедительные реальности. Законодательство, основанное на принципах интернациональности и ответственности, оказывается не готово к эре, где смыслы производятся стохастически, а легитимность может быть сгенерирована в промышленных масштабах. Выход – не в отступлении от технологического прогресса, а в решительном опережающем развитии политико-правового воображения. Будущее демократии будет зависеть от нашей способности не просто использовать ИИ, а конституировать его роль в публичной сфере – превратить из скрытого архитектора предпочтений в подотчётный, регулируемый и служащий общественным интересам институт производства смыслов. Битва за будущее права – это уже не только битва идей, но и битва за семантический суверенитет, за право определять, на каком языке и в каких категориях общество будет формулировать свои цели и законы.

Использованные источники:

1. Верич Ю.Л. Проблемы и перспективы применения искусственного интеллекта на финансовых рынках // Актуальные вопросы учета и управления в условиях информационной экономики. 2023. № 5. С. 463–470.
2. Груднева А.А. Актуальные направления развития искусственного интеллекта в прогнозировании спроса на цифровые активы // Проблемы теории и практики управления. 2024. № 1–2. С. 6–16.
3. Погодина Т. В., Багаев Д. В. Финансовый риск-менеджмент в эпоху цифровизации // ЭВ. 2023. № 2 (33). С. 42–45.

4. Сущеня Р. В. Тенденции развития и применения искусственного интеллекта в бизнесе и повседневной деятельности // Вестник науки. 2023. №6 (63). С. 848–851.